

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ 1985

Сборник статей

МОСКВА
«НАУКА»
1985

Сборник посвящен актуальным проблемам истории социалистических и утопическо-коммунистических идей в Западной Европе и Америке в XVI—XIX вв. Особое внимание обращено на изучение теоретической разработки Энгельсом вопросов, связанных с указанной проблематикой. Ряд статей посвящен истории утопического социализма XIX в. (распространению идей Сен-Симона в России, утопии Т. Свидмора, социалистическим идеям в чартизме). В сборнике содержатся материалы по историографии утопического социализма, имеется раздел публикаций.

Редакционная коллегия:

Л. С. ЧИКОЛИНИ (ответственный редактор),
В. М. ВОЛОДАРСКИЙ (ответственный секретарь),
Н. Ю. КОЛПИНСКИЙ, В. А. МАЛИНИН, Т. А. ПАВЛОВА,
Н. Б. ТЕР-АКОПЯН, А. Э. ШТЕКЛИ

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2011-2013*

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

В. В. Галкин	Идеи социализма в чартистском движении (конец 40-х — начало 50-х годов XIX в.)	3
А. Э. Штекли	Подготовительные работы к «Анти-Дюрингу» и вопрос о начале утопического социализма	29
Г. С. Кучеренко	Некоторые сведения об отношении к Сен-Симону и сенсимонистам в России (XIX — начало XX в.)	45
М. Н. Соколова	Сюдр — историк утопического социализма	67
К. Э. Кирова	Итальянские умеренные и французский утопический социализм и коммунизм (30—40-е годы XIX в.)	81
К. М. Андерсон	Томас Свидмор: отголоски просвещения или ростки американской утопии?	107
В. В. Карева	«Утопия» Томаса Мора в издании М. де Керлона	138
Т. А. Павлова	Идеал человека в произведениях Джерарда Уинстэнли	145
И. Н. Осинковский	«Утопия» Томаса Мора в Англии XVII в.	163
Л. С. Чиколени	«Рассказ о собственных книгах» Кампанеллы	190
В. М. Володарский	Социальная утопия Теофраста Парцельса	211

ПУБЛИКАЦИИ

Е. М. Кожокин	Из истории утопического социализма во Франции в 30—40-е годы XIX в. Вступ. ст., публ. и пер. с фр.	234
В. Д. Балакин	Из социальной утопии Иоганна Валсстина Андреэ Вступ. ст., публ., пер. с латин. и коммент. Комментарии	249 267

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>

Идеи социализма в чартистском движении
(конец 40-х — начало 50-х годов XIX в.)

Эпоха чартизма являет собой блестящую страницу в летописи истории английского пролетариата. Чартизм был первым широким, политически оформленным движением народных масс, проникнутым истинно пролетарским, революционным духом. Впервые английский рабочий класс, поддержанный другими угнетенными слоями населения, поднялся на борьбу за свое освобождение. Его основные требования были сформулированы в шести пунктах «Народной хартии».

На первый взгляд этот документ не предусматривал ничего другого, кроме установления широкой демократии. Однако эта демократия представляла собой нечто совершенно иное, чем буржуазная демократия, ибо завоевание Хартии, завоевание всеобщего избирательного права означало в то время фактическое установление политического господства рабочих.

Введение всеобщего избирательного права в Англии, как указывал Маркс, «было бы в гораздо большей степени социалистическим мероприятием, нежели любое другое мероприятие, которому на континенте присваивается это почетное имя»¹. По оценке Энгельса, политическая программа чартизма вовсе не была самоцелью движения, но лишь средством для социального освобождения пролетариата².

Предметом исследования данной статьи не является история чартистского движения в собственном смысле слова. Мы имеем целью рассмотреть лишь те тенденции в этом движении, которые свидетельствовали о повороте наиболее передовых руководителей чартистов к социализму. Хронологические рамки статьи определены наличием конкретного исторического материала, указывающего на то, что именно в тот период левыми лидерами чартизма предпринимались попытки возродить массовое движение на новой, социалистической основе.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 362.

² См.: Там же, т. 2, с. 461.

Два главных обстоятельства предопределили это новое направление в чартизме. Во-первых, идеи социализма благодаря теоретической и практической деятельности Р. Оуэна и его последователей приобрели в 40-е годы широкое распространение в Англии. Во-вторых, конец 40-х годов был ознаменован появлением первого программного документа научного социализма — «Манифеста Коммунистической партии», идеи которого оказали заметное влияние на передовых деятелей чартизма. Носителями этих идей были лидеры левого крыла чартистской партии, близкие друзья Маркса и Энгельса, члены Союза коммунистов — Гарни и Джонс.

Представляется поэтому важным показать, что именно заимствовали они от научного социализма и какую роль сыграли Маркс и Энгельс в их идейно-теоретическом воспитании. Вместе с тем необходимо выяснить, насколько последовательными учениками Маркса и Энгельса они оказались и в чем их взгляды еще не выходили за рамки утопических социалистических учений.

Такая постановка вопроса, по нашему мнению, допускается не только наличием первоисточников, позволяющих поставить его как предмет исследования, но и известной односторонностью посвященной ему исторической литературы.

Советские и зарубежные авторы в своих работах уже обращали внимание на взаимоотношения английских социалистов — оуэнистов и чартистов. Это нашло отражение в статьях Б. А. Рожкова и А. Д. Колпакова³. Частично затронут этот вопрос в книге В. Э. Куниной⁴. Обсуждается он и в книге английского автора Д. Джонса⁵.

Связь основоположников научного социализма с революционными чартистами и их влияние на чартистских идеологов до середины 50-х годов детально не исследовались ни в советской исторической науке, ни за рубежом. Специально этой теме были посвящены лишь две статьи советских авторов: В. Ф. Семенова и Г. Быкова⁶.

В 50–70-х годах советские историки и некоторые марксоведы за рубежом обратили на эту проблему более пристальное внимание, и в ряде случаев она стала предметом самостоятельного изучения⁷.

Следует, однако, заметить, что в значительной части указанных работ акцент сделан больше на теоретической и практической деятельности самих основоположников научного коммунизма, вследствие чего конкретные результаты их влияния на левых лидеров чартизма оказались как бы отодвинутыми на второй план. Знакомясь с этими работами, читатель не всегда может судить о том, какое преломление получали идеи научного социализма в сознании передовых чартистских деятелей, в каком виде воплощались они в программных документах чартизма. Эти обстоятельства побуждают нас вновь обратиться к указанной теме и попытаться осветить те ее аспекты, которые еще не нашли должного отражения в исторической литературе.

* * *

Социалистическое движение в Англии (оуэнизм) и чартистское движение на протяжении ряда лет развивались параллельно, не смыкаясь друг с другом. Чартисты и оуэнисты вели между собой острую полемику и находились в непримиримых отношениях. Но в ходе этой полемики постепенно прояснялось сознание тех и других. Уже в начале 40-х годов в чартистских и оуэнистских периодических изданиях часто высказывалось мнение о необходимости сближения чартистов и оуэнистов.

В 1841 г. Оуэн призывал чартистов и социалистов в Англии и риппелеров в Ирландии объединиться, чтобы вместе бороться за великие социальные преобразования. «Риппелеры, — писал Оуэн, — должны стать чартистами, чартисты — социалистами, а социалисты должны быть благоразумными в своих принципах и чувствах, в своем поведении как в отношении друг друга, так и в отношении представителей любого другого класса»⁸.

В феврале 1841 г. в разгар острых дискуссий с социалистами, функционер лидской Национальной чартистской ассоциации Уильям Райдер писал в «Норзерн стар»: «Их (социалистов. — В. Г.) взгляды на современное положение в обществе и меры, которые они предлагают для его переустройства, требуют самого пристального внимания. Существующий общественный порядок целиком порочен.

³ Рожков Б. А. Идеинная борьба между оуэнистами и чартистами. — В кн.: История социалистических учений. М., 1962; Он же. Оуэнизм в отношении к чартизму. — В кн.: История социалистических учений. М., 1976; Колпаков А. Д. Чартистский социализм конца 30-х — начала 40-х годов. — В кн.: История социалистических учений. М., 1964.

⁴ Кунина В. Э. Карл Маркс и английское рабочее движение. 1845—1883. М., 1968.

⁵ Jones D. Chartism and the Chartists. N. Y., 1975.

⁶ Семенов В. Ф. Маркс и Энгельс и чартизм. — Историк-марксист, 1933, № 1; Быков Г. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционные чартисты. — Борьба классов, 1934, № 10.

⁷ См., например: Бах И. А. Новые данные о пребывании Маркса и Энгельса в Лондоне в августе 1845 г. — В кн.: Из истории социально-политических идей. М., 1955; Гайкин В. В. К. Маркс и Ф. Энгельс в борьбе за возрождение революционного чартизма в начале 50-х годов XIX в. — Новая и новейшая история, 1958, № 3; Он же. Создание «People's Paper» и сотрудничество в ней К. Маркса в 1852—1853 гг. — В кн.: Чартизм. М., 1961; Голь-

ман Л. И. От Союза коммунистов к I Интернационалу: (Деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса в 1852—1864 гг.). М., 1970; Кунина В. Э. Карл Маркс и английское рабочее движение; Краснолуцкий Г. Н. Роль К. Маркса и Ф. Энгельса в становлении революционно-коммунистического мировоззрения английского пролетариата. Л., 1978; Михайлов М. И. История Союза коммунистов. М., 1968; Рожков Б. А. К вопросу об организации английских рабочих в партию чартистов. — Новая и новейшая история, 1959, № 3; Соболев А. Борьба Маркса и Энгельса за пролетарский интернационализм в 1844—1852 гг. М., 1980: (Дис.). Из работ зарубежных авторов укажем следующие: Barnsby G. Chartism in the Black Country, 1850—1860. L., 1965; Schmidt W. Die englische chartisten Bewegung in der «Neue Rheinische Zeitung». — Jahrbuch für Geschichte. B., 1972, Bd. 7; Marcus S. Engels, Manchester, and the Working Class. N. Y., 1974; Berta G. Marx gli operai inglesi e i cartisti. Milano, 1979.

⁸ Owen R. Lectures on the Rational System of Society Delivered Solely from Nature and Experience. L., 1841, p. 99.

Старый порядок вещей должен уступить место новому. Было бы очень хорошо, если бы чартисты и социалисты задумались над блестящей мыслью Бронтерра: каждый разумный социалист должен быть чартистом, а каждый разумный чартист — социалистом. Социалисты и чартисты борются с одним и тем же врагом; цели их одинаково враждебны тем, кто из хорошо известных соображений привержен к существующему порядку вещей. Уничтожение чартистов и разгром социалистов — цель „властей предрезающих“, наметивших их как свои жертвы, поэтому давайте помогать друг другу, что не требует обязательного компромисса во взглядах... Чартизм и социализм должны быть слиты во имя достижения счастливого будущего человечества, во имя общей цели, к которой они стремятся»⁹.

Осенью того же года на диспуте в Лондоне чартист Стэлвуд заявил, что конечной целью борьбы чартистов является социализм, а чартизм в этой борьбе служит переходной ступенью, средством для достижения социализма¹⁰. «Пусть у нас будет правительство, состоящее из чартистов — социалистов, — писал, обращаясь к социалистам, чартистский ежемесячный журнал в 1843 г. — Чартизм — самый короткий путь к социализму»¹¹.

Некоторые члены Национальной чартистской ассоциации одновременно являлись и участниками социалистического движения. Так, учитель Исаак Айронсайд был одновременно и оуэнистом и чартистом, чартист Джон Гудвин Бернби известен и как «коммунист», Томас Лайвсей был одним из лидеров чартизма и в то же время назначен Рочдейлского оуэновского института. Социалисты нередко выступали с лекциями перед чартистами, разрешали последним использовать для проведения собраний свои публичные залы. Чартисты и социалисты сообща собирали деньги в помощь политическим заключенным, сотрудничали в одних кооперативных организациях.

Однако всеобщего объединения чартистов с социалистами не произошло, поскольку надклассовая утопическая доктрина оуэнистов не могла стать теоретической основой классового чартистского движения. Только с появлением теории научного социализма, впитавшей в себя все лучшее, чем была представлена до Маркса и Энгельса социалистическая мысль, и отразившей в себе центральную идею чартизма — завоевание политической власти пролетариатом, соединение чартизма с социализмом стало не только возможным, но и необходимым.

Маркс и Энгельс еще до революции 1848 г. поддерживали постоянные связи с передовыми деятелями чартистского движения, сотрудничая в чартистской газете «Норзерн стар» и выступая на митингах, организуемых обществом «Братские демократы». Эти связи поддерживались также перепиской Маркса и Энгельса с видными чартистскими деятелями и личными беседами с ними.

Первым чартистским деятелем, с которым Маркс и Энгельс имели тесные связи, был Гарни. Сын простого матроса, с ранних лет познавший крайнюю нужду и лишения, Гарни, еще будучи юношей, стал проявлять интерес к политике. В 1832 г. под руководством Гетерингтона и О'Брайена он принимает участие в издании демократического органа «Пур менз гардиан» («Защитник бедняка»). С началом чартистского движения он целиком присоединяется к нему и проповедует в массах идеи своего духовного наставника — О'Брайена. Первоначально Гарни входил в Лондонскую ассоциацию рабочих, возглавляемую У. Ловеттом, но в 1838 г. выступил против умеренной, соглашательской политики руководителей этой организации и вышел из нее, основав так называемую Демократическую ассоциацию, объединявшую в основном пролетарские элементы в чартистском движении. С этого времени Гарни — один из наиболее революционно настроенных чартистских лидеров. С 1843 г. он принимает участие в издании центрального чартистского органа газеты «Норзерн стар», становится одним из ее редакторов. К тому же времени относится и его первое знакомство с Ф. Энгельсом¹².

Приехав в середине 1845 г. в Англию для изучения английской экономической литературы, более близкого знакомства с ее экономической и политической жизнью и рабочим движением, Маркс и Энгельс в середине августа встретились в Лондоне с Гарни и руководителями лондонских общин Союза справедливых: К. Шаппером, И. Моллем и др. Вскоре они приняли участие в совещании чартистов, руководителей Союза справедливых и других деятелей революционного и демократического движения ряда стран. На этом совещании была принята поддержанная Энгельсом резолюция о необходимости создания в Лондоне общества демократов всех национальностей для информации о демократическом и революционном движении в разных странах. В сентябре 1845 г. была образована международная рабочая организация — общество «Братские демократы», в котором Гарни стал играть ведущую роль. С того времени Энгельс постоянно сотрудничает в «Норзерн стар». В газете печатались его корреспонденции о положении в Германии, позднее о положении во Франции. В статьях, публиковавшихся в немецкой прессе, и в книге «Положение рабочего класса в Англии», выпущенной в 1845 г., Энгельс знакомил немецких рабочих с чартистским движением.

В январе 1846 г. по инициативе Маркса и Энгельса в Брюсселе был создан Коммунистический корреспондентский комитет, в состав которого вошли бельгийские и немецкие революционеры. Подобные комитеты, создание которых было задумано Марксом и Энгельсом во всех европейских странах, должны были послужить костяком для создания в дальнейшем международной коммунистической организации. Главными задачами такого рода комитетов должны были стать обмен информацией между различными социалистическими и коммунистическими группами, критика утопических

⁹ Northern Star, 1841, 13 Febr.

¹⁰ Ibid., 6 Nov.

¹¹ London Chartist Monthly Magazine, 1843, N 2, p. 47.

¹² См.: Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956. с. 192.

теорий в социалистическом движении, а также пропаганда теории научного социализма, которая к тому времени в основных своих чертах уже была сформулирована Марксом и Энгельсом.

Первым, кому Маркс и Энгельс сообщили о своем плане создания международной коммунистической организации, был Гарни. Этот план был подробно изложен в письме Энгельса к Гарни от 5 марта 1846 г.

Маркс и Энгельс в то время считали Гарни человеком, настроенным подлинно пролетарски, убежденным республиканцем и коммунистом, единственным из чартистских руководителей, кто действительно «свободен от всех предрассудков, отличающих англичанина от жителя Европейского материка»¹³. В письме от 5 марта Энгельс, говоря о задачах коммунистических корреспондентских комитетов, предлагал Гарни создать подобный комитет в Лондоне, включив в его состав революционных чартистских деятелей. В ответном письме от 30 марта 1846 г. Гарни выразил готовность поддерживать план Маркса и Энгельса, однако просил, чтобы они предварительно ввели в курс дела руководителей Союза справедливых (Шаппера, Молля, Бауэра и др.), членом которого незадолго до того стал Гарни¹⁴. Вскоре Маркс и Энгельс договорились с руководителями Союза справедливых о создании в Лондоне Коммунистического корреспондентского комитета. После этого Гарни, не колеблясь, высказал свою готовность работать в новой организации. «Как я понял, — писал он в Брюссельский корреспондентский комитет, — лондонские друзья примкнули к вам. Конечно, после этого я не колеблясь, окажу вам любую помощь, какая только в моих силах»¹⁵.

Одновременно Маркс и Энгельс налаживают отношения и с лидером чартистов Фергюсом О'Коннором. Летом 1846 г. за подписью Маркса, Энгельса и Жиго был послан приветственный адрес О'Коннору по случаю победы его на парламентских выборах в Ноттингеме. В нем особенно подчеркивалась огромная революционная роль, которую играла в то время редактировавшаяся О'Коннором и Д. Гарни газета «Норзерн стар». В том же обращении Брюссельский комитет, касаясь внутрипартийной борьбы между буржуазными попутчиками и революционным крылом чартистской партии, решительно выступил с поддержкой последнего¹⁶.

Все это свидетельствует о том, с каким огромным вниманием Маркс и Энгельс следили за развитием чартистского движения, как глубоко и правильно они понимали сущность различных течений в нем. Ярко выраженный классовый, пролетарский характер движения в целом являлся основным фактором, которому Маркс и Энгельс

придавали решающее значение, считая чартистов наиболее близкими к коммунистам¹⁷. Но вместе с тем вожди международного пролетариата видели и слабые стороны чартистского движения, сознавали его теоретическую незрелость. Устанавливая связь с передовыми чартистскими деятелями, Маркс и Энгельс стремились направить их борьбу за всеобщее избирательное право по новому пути — по пути социалистической революции. Их целью было способствовать распространению идей научного социализма среди английского рабочего класса, а также созданию революционного пролетарского ядра, которое должно было стать основой для образования самостоятельной, независимой от мелкобуржуазных элементов пролетарской партии — вождя рабочего класса в грядущей революционной борьбе.

Опыт классовой борьбы английского пролетариата в 1848 г., слабость лидеров чартизма в тактическом и теоретическом плане, их колебания и неустойчивость, проявленные во время массовой демонстрации 10 апреля 1848 г., убедительно доказали необходимость и неотложность решения данной задачи.

Особенно бурную деятельность в первые два месяца после поражения чартистов 10 апреля 1848 г. развернул Эрнест Джонс, бывший, как и Гарни, членом Союза коммунистов. Джонс искал истинную цель и смысл борьбы за Хартию — ту цель, для достижения которой завоевание всеобщего избирательного права могло послужить лишь первым шагом. В своих воспоминаниях Ф. Лесснер так отзывается о Джонсе того периода: «Самый популярный и дельный вождь чартистов Эрнест Джонс был одним из немногих чартистских вождей, которые в то же время понимали и проповедовали социализм»¹⁸.

Джонс не был деморализован неудачей 10 апреля 1848 г.; он верил в успех дела чартистов. Выступая на заседании чартистского конвента 14 апреля 1848 г., Джонс указывал на необходимость издания и распространения по дешевой цене среди рабочих специальных брошюр, которые, по его словам, «нужны не для того, чтобы ознакомить народные массы с содержанием Хартии, — теперь, когда они надеются скоро иметь ее, это было бы слишком поздно, — но для того, чтобы показать, как изменится положение народа после того, как Хартия станет законом страны»¹⁹.

Проводя линию на развертывание революционно-просветительной пропаганды и указывая на необходимость глубокой теоретической разработки вопросов социального освобождения пролетариата, Джонс вместе с тем выступает за применение самых решительных мер в борьбе за всеобщее избирательное право. «Я бросаю вызов правительству! — говорил он на одном из заседаний чартистского национального собрания... — Я подчеркиваю, что не процессиями мы можем достигнуть своей цели. Пусть каждый подготовится к борьбе с мушкетом в руках, и тогда я могу заверить вас, что Хартия будет

¹³ Об этом писал в одном из своих писем Гарни сам Энгельс. Однако это письмо, как и письмо от 5 марта 1846 г., до нас не дошло. Содержание обоих писем Энгельса раскрывается по ответному письму Гарни Энгельсу от 30 марта 1846 г. См.: Karl Marx und Friedrich Engels Gesamtausgabe. B., 1975, Abt. 3, Bd. 1, S. 524. (Далее: MEGA).

¹⁴ Ibid., S. 525—526.

¹⁵ MEGA. B., 1979, Abt. 3, Bd. 2, S. 148.

¹⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 25.

¹⁷ См.: Там же, с. 339.

¹⁸ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, с. 152.

¹⁹ Northern Star, 1848, 15 Apr.

быстро провозглашена законом страны»²⁰. Вместе с тем Джонс продолжает энергичную борьбу за сплочение чартистских рядов, считая это одним из главных условий нового революционного подъема.

Однако надежды Джонса и других членов Союза коммунистов на новый подъем чартистского движения не оправдались. Немаловажной причиной этого было то, что английское правительство, опасавшееся, как бы политическая агитация и пропаганда непримиримых левых чартистов не толкнули массы на новое выступление, решило обезглавить движение, бросив в тюрьму его наиболее активных и революционно настроенных руководителей. Э. Джонс вместе с другими видными чартистскими деятелями был арестован в Манчестере 6 июня 1848 г. по обвинению в мятежных поступках и организации незаконных собраний. Он был препровожден в лондонскую тюрьму, где находился до 9 июля 1850 г.

После поражений, понесенных чартистской партией в 1848 г., после ареста и заключения в тюрьму Э. Джонса и других руководителей, Гарни оказался во главе той группы чартистов, которая выступила против соглашательской политики О'Коннора и отстаивала полную самостоятельность и независимость своей организации. Он в то время был по существу единственным англичанином, через которого Маркс и Энгельс могли непосредственно воздействовать на английский пролетариат. Гарни так же, как и Джонс, хотел объединить разрозненные и независимые друг от друга многочисленные чартистские группы в единую армию под красным знаменем социализма. Он открыто выступил с лозунгом борьбы за установление «красной республики» в Англии и странах Европейского континента.

Уже вскоре после июньского поражения французского пролетариата в обращении общества «Братские демократы» ко всем европейским демократам, подписанном Гарни, говорилось следующее: «Знамя красной республики — это знамя пролетариев всей Европы. Прошло то время, когда массы можно усыпить политическими фразами и успокоить предоставлением номинального политического права. Миллионы рабочих во Франции, Англии и Германии убедились теперь, что даже самая хорошая, написанная на бумаге конституция не может включить в себя не только все права человека, но даже важнейшие из них. Красное знамя, сорванное в сент-антуанском предместье, не было завоевано. Однако вера в это знамя как в символ свободы не ограничивается только Парижем, а живет и растет в каждом рабочем улье современной промышленности; и если бы рабочий класс потерпел даже пятьдесят поражений, триумф его борьбы за это знамя невозможно предотвратить»²¹.

Используя свое положение редактора «Норзерн стар», Гарни пытался со страниц газеты пропагандировать революционные идеи в массах, но это вызвало враждебное отношение со стороны О'Коннора как собственника и издателя газеты. О'Коннор выступил на страницах газеты с нападками на «республиканцев», объявившихся

в рядах чартистов, и предостерегал рабочих против какой бы то ни было «республиканской агитации»²².

Гарни незамедлительно ответил О'Коннору и дал достойную ответь всем его нападкам на «республиканцев». «Истинные республиканцы, — писал Гарни, — признают ту или иную форму правления до тех пор, пока эта форма пригодна для того, чтобы народ с ее помощью обрел силу, благодаря которой он получит возможность осуществить свое социальное освобождение. Агитация за Хартию только в смысле толкования и защиты ее „шести пунктов“ стала недостаточной. И даже если бы благодаря такого рода агитации удалось добиться Хартии, то народ все-таки не был бы подготовлен к тому, чтобы должным образом ее использовать. Больше того, я глубоко убежден, что Хартия не может быть завоевана до тех пор, пока массы не поймут, что она действительно может принести улучшение их социального и политического положения. Свободное и широкое толкование всех социальных и политических вопросов, которые будут представлены на рассмотрение парламента, избранного всеобщим голосованием, есть лучшее средство поднять миллионные массы на борьбу за Хартию и в то же время лучшее средство подготовить народ к самому широкому использованию новых законов, вызванных к жизни Хартией»²³.

Таким образом, подчеркивая необходимость социальной пропаганды среди английских рабочих, широкого и популярного толкования вопросов экономического освобождения пролетариата, Гарни тем самым по существу выразил идею соединения рабочего движения с социализмом и создания на этой основе независимой революционной рабочей партии, т. е. именно ту идею, за практическое осуществление которой Маркс и Энгельс начали активную борьбу еще в середине 40-х годов и которая нашла свое глубокое и всестороннее теоретическое обоснование в «Манифесте Коммунистической партии».

Письмо Гарни О'Коннору было переведено на немецкий язык и перепечатано в «Нойе райнише цайтунг». В кратком предисловии к нему редакция газеты писала: «В то время как О'Коннор высказывает собственные буржуазные причуды, Дж. Гарни выражает мнение подавляющего большинства чартистской партии»²⁴. В связи с этим Гарни писал Энгельсу в Кёльн: «Приношу мою благодарность, искреннюю благодарность за ваш перевод (под ваш я подразумеваю издателей газеты — Маркса, тебя и т. д.) моего письма к О'Коннору или, вернее, моего возражения на гнусную клевету О'Коннора на наши принципы. Я говорю „наши принципы“ потому, что он направляет свои удары не только против республиканских убеждений, но против всех тех принципов, которые дороги нам. Дело в том, что он аристократ до мозга костей, только прикрывающийся личиной демократа. Больше того, он хуже, чем аристократ, он со-

²⁰ Ibid.

²¹ Neue Rheinische Zeitung, 1848, 15. Juli.

²² Northern Star, 1849, 3 Mar.

²³ Ibid., 10 Mar.

²⁴ Neue Rheinische Zeitung, 1849, 16. März.

единяет в себе всю вульгарность, все корыстолюбие грязного буржуа, хотя и уверяет хвастливо в противном»²⁵.

Несмотря на некоторую резкость в суждениях Гарни об О'Конноре, его высказывание не было лишено основания.

Гарни правильно понял мелкобуржуазный консерватизм О'Коннора, его враждебное отношение к действительно революционной борьбе пролетариата. По существу его мнение не расходилось со взглядами Маркса и Энгельса на О'Коннора в то время²⁶. Ввиду этого он твердо решил довести до конца идейную борьбу с О'Коннором. На эту борьбу Гарни в значительной мере вдохновляло то обстоятельство, что большинство членов чартистской организации выступило в его поддержку.

«Сочувствие лондонцев и письма из провинции очень поддерживают меня,— писал Гарни в письме Энгельсу от 19 марта 1848 г.— Сегодня утром я получил письмо от трех киркдельских заключенных — Джеймса Лича, Джона Уэста и Джорджа Уайта, умоляющих меня держаться твердо и спасти наше дело. Они предлагали мне воспользоваться их именами, они будут писать в мою защиту, они будут делать все, что я захочу. Они восклицают, что настало время сокрушить великого, злейшего врага нашего дела. И я их не разочарую»²⁷.

Однако в своей агитационной деятельности среди широких масс рабочего класса Гарни был сильно стеснен. «Норзерн стар» все больше и больше скатывалась на позиции буржуазного радикализма, а О'Коннор всеми силами препятствовал появлению на страницах газеты статей, пропагандирующих революционные взгляды. Гарни был поставлен перед необходимостью издания собственного печатного органа. «Мой план,— писал он в том же письме Энгельсу,— немедленное создание новой газеты... Мне нужна твоя помощь. Я хочу, чтобы газета была не только чартистской, я хочу, чтобы это был орган европейской демократии. Я хочу, чтобы ты посылал еженедельно корреспонденции»²⁸. Энгельс обещал свою помощь.

Однако основать еженедельную газету Гарни не удалось. «Все же в настоящее время,— сообщал Гарни Энгельсу в письме от 1 мая 1849 г.— я не вижу возможности самостоятельно организовать газету — исключительно из-за отсутствия денег для начала... Посоветовавшись с моими друзьями, я решил выпустить ежемесячный журнал ценой в 3 пенса начиная с 1 июня. Называться он будет „Democratic Review of British and Foreign Politics, History and Literature“²⁹. Ты любезно обещал мне свою помощь, и теперь я прошу тебя, чтобы ты сдержал свое обещание. Я написал Шапперу, прося его прислать какую-нибудь корреспонденцию для журнала,

и я вынужден также просить о статье или корреспонденции, принадлежащей твоему перу. Выбирай какую хочешь тему — о немецкой или английской политике... Я считаю совершенно необходимым, чтобы в каждом номере появлялось что-нибудь твое»³⁰.

С 1 июня 1849 г. начал выходить новый чартистский орган³¹. Маркс, Энгельс и их ближайшие соратники еще до приезда в Лондон старались оказывать всемерную поддержку Гарни в издании журнала, в его борьбе за новые принципы и новую тактику революционной борьбы пролетариата. После поражения революции в Германии Маркс (в августе) и Энгельс (в ноябре 1849 г.) поселились в Лондоне, куда постепенно съезжались и другие члены Союза коммунистов, среди которых было много их ближайших единомышленников и друзей. Сразу же по прибытии в Лондон Маркс и Энгельс развернули энергичную деятельность по реорганизации Союза коммунистов, стремясь превратить его в ядро широкой международной пролетарской организации.

В ряде крупных городов Германии были воссозданы общины Союза коммунистов. Эти общины устанавливали связи с многочисленными легальными рабочими и крестьянскими организациями, играя в них руководящую роль. Была также предпринята попытка перестройки деятельности общин Союза во Франции, Швейцарии и других странах. В то же время Маркс и Энгельс стараются оживить деятельность Просветительного общества немецких рабочих в Лондоне, руководящим ядром которого были местные общины Союза коммунистов. С января 1850 г. начал выходить под редакцией Маркса и Энгельса теоретический журнал «Нойе райншисе цайтунг. Политиш-экономише ревью»³², который должен был стать важнейшим средством в деле укрепления пролетарской партии. Все эти мероприятия значительно оживили деятельность Союза коммунистов к весне 1850 г.

Осуществляя реорганизацию Союза коммунистов, Маркс и Энгельс расширяли и углубляли прежние связи с революционными чартистами, которых они также рассчитывали вовлечь в дело создания международной пролетарской организации. Благоприятные условия для этого были уже налицо. В ходе революционных событий 1848—1849 гг. было доказано банкротство всех форм домарксова социализма: сен-симонизма, фурьеризма, оуэнизма, вейтлингианства, прудонизма, лублановщины и других утопических доктрин, широко распространенных в то время и претендовавших в большинстве своем на то, чтобы быть теоретическим выражением интересов не одного только пролетариата, а всех классов общества. Вопреки этим социалистическим и коммунистическим учениям революции 1848—1849 гг. и особенно июньские дни в Париже показали подлинно социалистическую природу одного лишь класса тогдашнего общества — пролетариата. В ходе этих событий был также нанесен удар и по многим утопическим проектам чартистских лидеров. На опыте

²⁵ MEGA. B., 1981. Abt. 3, Bd. 3, S. 306.

²⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 472.

²⁷ MEGA, Abt. 3, Bd. 3, S. 306—307.

²⁸ Ibid.

²⁹ Демократическое обозрение британской и иностранной политики, истории и литературы.

³⁰ MEGA. Abt. 3, Bd. 3, S. 350—351.

³¹ Журнал «Democratic Review» выходил до сентября 1850 г.

³² «Neue Rheinische Zeitung: Politisch-ökonomische Review».

революций была подтверждена правильность новой теории Маркса и Энгельса. Все это создало известные идеологические предпосылки для привлечения передовой части рабочего класса на сторону научного коммунизма. В создавшихся условиях задача Союза коммунистов заключалась в том, чтобы способствовать дальнейшему размежеванию между пролетариатом и мелкой буржуазией, выделению и формированию здорового пролетарского ядра.

Исходя из этого, Маркс и Энгельс горячо поддерживали стремление Гарни и его сторонников порвать с примиренческой фракцией О'Коннора и создать самостоятельную партию, которая должна была направить английское рабочее движение по революционному пути. Они всячески стремились закрепить в сознании левых чартистов новую революционную идеологию и решительно осуждали какие бы то ни было попытки к сближению чартистов с буржуазными радикалами. Чтобы иметь возможно более тесный контакт с революционно настроенными чартистами, Маркс и Энгельс уже в первые месяцы своей эмигрантской жизни неоднократно принимали участие в собраниях общества «Братские демократы», выступая на них с яркими революционными речами.

Так, 31 декабря 1849 г. Маркс и Энгельс присутствовали на годовом банкете, устроенном в Лондоне этим обществом³³. Председательствовал Дж. Гарни. Ораторы-чартисты открыто высказывались за необходимость политической революции и применение физической силы. Во многих выступлениях подчеркивалась мысль о том, что политическая революция должна идти рука об руку с революцией социальной, в противном случае она не принесет никакой пользы народным массам.

Вдохновенную речь на банкете произнес Гарни, в которой он заявил: «Все мы здесь красные, но все же я могу утверждать, что цвета здесь присутствующих охватывают, вероятно, все оттенки между розовым и ярко-красным». Таким образом, Гарни уже начал сознавать, что «розовые» и «ярко-красные» — это не одно и то же, что между ними существуют и противоречия, которые предстояло преодолеть путем борьбы.

«Весь праздник,— писала по поводу банкета «Вестдойче цайтунг»,— служит доказательством сильного роста новой революционной партии, образованной путем объединения крайних чартистов и социалистов».

25 февраля 1850 г. Энгельс принял участие в банкете, посвященном второй годовщине провозглашения Французской республики³⁴.

В обращении «К демократам всех стран», составленном от имени общества «Братские демократы» за подписью Гарни и зачитанном на банкете, говорилось следующее: «Революция еще не окончена, потому что народ обманым путем лишен законных прав, которые он заслужил своей борьбой и принесенными жертвами в 1848—1849 гг. Революция не окончена, потому что самосознание народных

масс неопровержимо доказывает наличие у них непреодолимой решимости получить свои права — политические и социальные...

Революция в Европе должна будет продолжаться до тех пор, пока каждая страна не избавится от тирании, пока все нации не сбросят свои цепи. Народ Великобритании, на тебе лежит обязанность доказать всему миру, что, в то время как твои братья в других странах подвергаются гонениям и страдают за свободу, ты также не собираешься оставаться жертвой плохого управления и страдать из-за несправедливости социальных порядков. Проснитесь же, пролетарии, объединитесь между собой и боритесь за политическую и социальную справедливость!»³⁵. Таким образом в этом документе проводилась мысль о непрерывности революции, в чем сказалось влияние Маркса и Энгельса на Гарни, ибо идея непрерывной революции принадлежала именно Марксу и Энгельсу. Она была ими выдвинута в первом обращении ЦК к Союзу коммунистов³⁶.

5 апреля 1850 г. Маркс и Энгельс приняли участие в международном митинге, организованном обществом «Братские демократы» и приуроченном к годовщине со дня рождения вождя французских якобинцев М. Робеспьера. Выступивший на этом митинге Энгельс напоминал о революционных традициях англичан, подчеркнув при этом, что еще во времена Английской революции возникла такая партия, как «тевеллеры». Энгельс закончил свою речь тостом в честь английских рабочих.

Выступая, как и Энгельс, от имени немецких коммунистов, член Союза коммунистов К. Шрамм защищал в своей речи идею Маркса о необходимости диктатуры рабочего класса для полного уничтожения классов и тех общественных условий, которые их порождают. Он закончил свою речь тостом в честь О. Бланки — передового представителя французского пролетариата³⁷.

Активизация деятельности Союза коммунистов, непосредственное участие Маркса и Энгельса в собраниях и митингах общества «Братские демократы», усиление их влияния на левое крыло чартистской партии — все это принесло свои положительные результаты. Революционное учение Маркса и Энгельса постепенно овладевало умами передовых представителей английского пролетариата. Но для того чтобы обеспечить успешное распространение идей научного коммунизма в английском рабочем движении и рабочем движении других стран, необходимо было найти конкретную организационную форму, благодаря которой можно было бы создать условия для совместных действий различных пролетарских организаций в ближайшем будущем.

С этой целью Маркс и Энгельс в апреле 1850 г. от имени Союза коммунистов начали переговоры с представителями революционной французской эмиграции в Лондоне — бланкистами, а также с лидерами революционного крыла чартистов о создании международ-

³⁵ Democratic Review, 1850, vol. 1, p. 389—390.

³⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 257—267.

³⁷ Отчеты об этом митинге были опубликованы: Hornisse, 1850, 17 Apr.; Democratic Review, 1850, vol. 1, p. 463.

³³ Отчет об этом банкете опубликован: Westdeutsche Zeitung, 1850, 19. Jan.

³⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 622.

ной революционной организации, в которой объединялись бы представители и от Союза коммунистов, и от бланкистов, и от чартистов на основе взаимно согласованной программы. Эти переговоры завершились в середине апреля 1850 г. подписанием соглашения о создании «Всемирного общества коммунистов-революционеров»³⁸.

Соглашение, состоявшее из шести статей, подписали от имени Союза коммунистов Маркс, Энгельс и Виллих, от имени бланкистов — Адан, Видиль, от имени чартистов — Гарни. Таким образом, учреждаемое общество должно было объединить в своих рядах пролетарских революционеров трех основных европейских стран: Германии, Франции и Англии. Такой состав участников был не случайным. Маркс и Энгельс в это время еще надеялись на неизбежное наступление в ближайшем будущем нового революционного подъема в Европе и указывали, что «освобождение Европы — будь то завоевание угнетенными национальностями независимости, будь то низвержение феодального абсолютизма — обусловлено победоносным восстанием французского рабочего класса», а «переворот в экономических отношениях любой страны европейского континента или даже всего европейского континента без Англии — только буря в стакане воды»³⁹. При этом Маркс подчеркивал, что «только тогда, когда чартисты окажутся во главе английского правительства, социальная революция перейдет из области утопии в область действительности»⁴⁰. С учетом этой революционной перспективы и был подписан документ об учреждении «Всемирного общества коммунистов-революционеров».

Первая и основная статья соглашения гласила: «Целью общества является низложение всех привилегированных классов, подчинение этих классов диктатуре пролетариев путем поддержания непрерывной революции вплоть до осуществления коммунизма, который должен явиться последней формой устройства человеческого рода»⁴¹. При этом в статье пятой соглашения специально было оговорено, что «все члены общества клятвенно обязуются в точности сохранять формулировку статьи первой настоящего устава. Изменение, могущее иметь последствием ослабление намерений, выраженных в статье первой, освобождает членов общества от их обязательств»⁴².

«Всемирное общество» просуществовало, к сожалению, недолго. После раскола Центрального комитета Союза коммунистов французские бланкисты-эмигранты стали на сторону сектантско-авантюристического меньшинства, возглавляемого Виллихом и Шаппером, и вместе с ними пошли на тесный союз с мелкобуржуазной демократической эмиграцией. В создавшихся условиях Маркс и Энгельс

сочли целесообразным в начале октября 1850 г. разорвать договор с бланкистами. Об этом было заявлено в специальном письме Адану, Видилью и Бартелеми, подписанном Марксом, Энгельсом и Гарни⁴³.

Как до разрыва, так и некоторое время после него Гарни строго придерживался принципов, зафиксированных в первой статье соглашения. В одной из своих статей, опубликованной в журнале «Ред рипабликен»⁴⁴, он писал: «Что касается подавления рабочими других классов, то ответ прост: *другие классы не имеют даже права на существование*. Подготовить путь для установления абсолютного верховенства рабочего класса... как переходного периода к уничтожению вообще всех классов — такова задача, которую ставит перед собой „Ред рипабликен“»⁴⁵.

Идеи «Манифеста Коммунистической партии», таким образом, все глубже проникали в сознание передовых чартистских деятелей и заставляли их подходить к самой проблеме борьбы за всеобщее избирательное право в Англии уже с иных позиций.

«Чартизм 1850 г. отличается от чартизма 1840 г., — указывалось в первом номере журнала „Ред рипабликен“. — Вожди английского пролетариата доказали, что они истинные демократы. И то, что они так стремительно идут вперед в последние годы, не показная активность. Они сделали большой шаг от идеи простой политической реформы к идее социальной революции... Чартизм под красным флагом есть надежная защита требований труда... Чартизм 1850 г. — дело истинного народа Англии, он дело самих производителей, и борьба этого поработленного класса — наша борьба. Но эта борьба должна вестись под красным флагом, который служит символом новой эпохи, знаменем будущего. Задача, которая сейчас стоит перед нами, — объединить наших братьев пролетариев в массовом масштабе вокруг этого флага при помощи демократической и социальной пропаганды, посредством агитации за лозунг „Хартия и нечто большее!“»⁴⁶.

Маркс и Энгельс оказывали поддержку Гарни и его сторонникам своими выступлениями на страницах чартистских изданий. После приезда осенью 1849 г. в Лондон они активно сотрудничали в «Демократик ривью», стремились придать журналу последовательное пролетарски-революционное направление и превратить его в орган пропаганды идей научного социализма. Опубликованную в «Демократик ривью» статью «Вопрос о десятичасовом рабочем дне» Энгельс написал специально для английских рабочих⁴⁷. В ней Эн-

³⁸ См.: Там же, с. 439.

⁴⁴ Журнал «Ред рипабликен» издавался под редакцией Гарни параллельно с «Демократик ривью» и выходил с июня до ноября 1850 г. В отличие от ежемесячного «Демократик ривью» это был еженедельный журнал.

⁴⁵ Red Republican, 1850, vol. 1, p. 21.

⁴⁶ Ibid, p. 2.

⁴⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 238—244. Статья была написана в связи с фактической отменой билля о десятичасовом рабочем дне, принятого английским парламентом в 1847 г. В феврале 1850 г. суд при-

³⁸ См. об этом подробнее: Михайлов М. И. Борьба К. Маркса и Ф. Энгельса за интернациональное сплочение рабочих организаций. — Новая и новейшая история, 1958, 3.

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 159—160.

⁴⁰ Там же, с. 160.

⁴¹ Там же, т. 7, с. 551.

⁴² Там же, с. 552.

гельс доказал, что законодательное ограничение рабочего дня не может рассматриваться как конечная цель рабочего движения, что подобного рода полумеры не могут привести к коренному улучшению положения рабочих, что рабочий класс сам должен добиться этого посредством завоевания политической власти.

«Рабочие должны теперь понять,— писал Энгельс в статье,— что им никогда не будет обеспечено улучшение их социального положения, пока они не добьются всеобщего избирательного права, которое даст им возможность провести рабочее большинство в палату общин»⁴⁸.

В «Демократик ривью» был напечатан также сокращенный перевод первой главы работы Маркса «Классовая борьба во Франции». Ее опубликование в чартистском органе имело важное значение в деле революционного воспитания английского пролетариата, которому также предстояло в своей борьбе столкнуться со многими из тех вопросов, которые встали перед французскими рабочими в дни революционных событий 1848 г.

Практическая деятельность Маркса и Энгельса по сплочению пролетарских кадров, привлечение ими передовых чартистских деятелей к делу создания международной пролетарской организации на основе принципов, провозглашенных в «Манифесте Коммунистической партии», сотрудничество на страницах журнала «Демократик ривью», огромное влияние, оказываемое ими на левых лидеров чартизма,— все это во многом содействовало окончательному разрыву революционно настроенной части чартистской партии во главе с Гарни с реформистской фракцией О'Коннора, проводившей политику соглашательства с буржуазными радикалами типа Юма, Уолмсли, Стерджа и др.

Поэтому уже во втором обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов в июне 1850 г. Маркс и Энгельс с полным правом могли писать: «Вожди революционной чартистской партии также находятся в постоянной тесной связи с делегатами Центрального комитета. Ее печатные органы предоставлены к нашим услугам. Разрыв между этой революционной самостоятельной рабочей партией и фракцией, руководимой О'Коннором, которая более склонна к примирению с буржуазией, был значительно ускорен делегатами Союза»⁴⁹.

В июле 1850 г. был освобожден из тюрьмы Э. Джонс. Находясь в заключении, он вовсе не отказался от тех идей, которые так решительно и смело высказывал весной и летом 1848 г. Он сразу же присоединился к группе Гарни и включился в активную политическую деятельность.

Джонс возобновляет дружеские связи с Марксом и Энгельсом и вместе с Гарни принимает активное участие в издании революционных печатных органов чартистской партии, ведя в них агитацию и

связных оправдал тех фабрикантов, которые обвинялись в нарушении этого билля.

⁴⁸ Там же, с. 243.

⁴⁹ Там же, с. 323.

пропаганду с позиций научного социализма. Знаменательным событием стало опубликование в ноябре 1850 г. в журнале «Ред рипабλικен» «Манифеста Коммунистической партии». Это была первая публикация «Манифеста» на английском языке, причем с указанием авторства Маркса и Энгельса. Широкие круги английских рабочих получили возможность ознакомиться с великим программным документом научного коммунизма. В предисловии к «Манифесту» редакция журнала указала, что это «выдающийся документ самой передовой партии немецких революционеров»⁵⁰.

Осенью 1850 и зимой 1850/51 г. Маркс и Энгельс оказывали постоянную поддержку Гарни и Джонсу в борьбе с соглашательскими элементами в чартистской партии. Они давали им ценные практические советы и неоднократно принимали участие в чартистских митингах и собраниях, на которых отстаивали тактику независимой революционной борьбы пролетариата.

Вместе с тем Маркс и Энгельс стремились привлечь лидеров революционного чартизма к сотрудничеству в органе Союза коммунистов журнале «Нойе райншише пайтунг. Политиш-экономише ревью». Свидетельством тому служит письмо Гарни Марксу от 26 октября 1850 г., из которого видно, что Маркс обратился к Гарни с просьбой написать для журнала статью о деятельности чартистской партии. К сожалению, Гарни не смог удовлетворить просьбу Маркса. «Партия движения,— писал он Марксу,— находится в настоящее время в состоянии такого хаоса, что для того, чтобы писать о ней и осмелиться судить о ее состоянии через два месяца, нужно быть пророком, каковым, конечно, не является ваш всегда братски преданный вам Дж. Джулиан Гарни»⁵¹.

Говоря о «хаосе» в чартистской партии, Гарни, по-видимому, имел в виду особенно обострившуюся в это время борьбу революционного крыла с примиренческой фракцией О'Коннора. В ноябре 1850 г. О'Коннор в открытом письме к чартистам обратился с предложением созвать в Манчестере на новый год конференцию, на которой он надеялся навязать свои принципы всей партии. Однако Гарни и Джонс горячо выступили против этого предложения. Они указывали, что полномочной инстанцией для созыва конференции является Исполнительный комитет, а не О'Коннор. Чартисты же Манчестера под влиянием О'Коннора настаивали на созыве конференции. Тогда Исполнительный комитет, большинство в котором принадлежало сторонникам Гарни и Джонса, сложил с себя свои полномочия с тем, чтобы узнать мнение всей партии. В начале января состоялись выборы в новый Исполнительный комитет, результаты которых показали, что большинство членов чартистской партии выражают свое доверие Гарни и Джонсу и одобряют их позицию.

Джонс и Гарни понимали, что чартизм не будет иметь будущего, если не будет выработана теоретическая основа для сплочения

⁵⁰ Red Republican, 1850, vol. 1, p. 1.

⁵¹ MEGA, Abt. 3, Bd. 3, S. 666. См. также: Михайлов М. И. История Союза коммунистов. М., 1968, с. 392.

рядов рабочего класса, воплощенная в конкретной программе. Поэтому они предприняли энергичные усилия с целью созыва широкого чартистского форума, который провозгласил бы принципы социализма в качестве сформулированной программы борьбы чартистской партии.

На 31 мая 1851 г. новым Исполнительным комитетом был назначен созыв в Лондоне чартистского Конвента, главным результатом работы которого и было принятие программы, излагавшей основные социальные требования чартистов⁵².

Программа в целом ориентировала чартистов на мирные средства борьбы за переустройство общества на социалистических началах. В вводной ее части говорилось о том, что первым и наиболее важным шагом на пути к социальному освобождению рабочего класса является завоевание трудящимися «Народной хартии», которая обеспечит им политическое верховенство. Вместе с тем в ней подчеркивалось, что «изменения в политической области оказались бы бесплодными без социальных перемен и что чартистское движение без соединения с общественной наукой потерпело бы полную неудачу».

Исходя из этого, Конвент рекомендует рассмотреть ряд социальных мероприятий, которые должны «привлечь общие симпатии на сторону чартистского движения». В преамбуле программы прямо говорилось о том, что предлагаемые в ней социальные преобразования рассчитаны на поддержку их не только рабочими, но и ремесленниками, фермерами, мелкими торговцами, т. е. широкими слоями мелкой буржуазии.

Безусловно, по сути разработанных в программе социальных мер это не была программа, которая после завоевания политической власти рабочим классом немедленно вводила бы во все сферы общественной жизни принципы социализма. Но ее с полным основанием можно назвать программой, предусматривавшей ряд переходных мер, о характере которых в «Манифесте Коммунистической партии» сказано, что они «в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства»⁵³. В числе этих мероприятий были следующие.

1. Национализация всей земли.
2. Организация кооперативных производственных ассоциаций в национальном масштабе.
3. Налогообложение земли и накопленной собственности.
4. Погашение государственного долга посредством зачисления денег, выплачиваемых в качестве процентов, в счет самого занятого капитала.

⁵² Northern Star, 1851, 10 Apr.; Friend of the People, 1851, N 10.

Нет необходимости здесь подробно останавливаться на чартистской программе 1851 г., поскольку этот документ обстоятельно рассмотрен в литературе, указанной выше. Тем не менее мы остановимся на тех ее пунктах, которые, на наш взгляд, требуют несколько иной оценки, нежели это было сделано прежде.

⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 446.

5. Полное отделение церкви от государства и превращение всех церковных владений и доходов в общенациональную собственность.
6. Государственное, всеобщее и бесплатное образование.
7. Предоставление работы всем трудоспособным лицам.
8. Государственное обеспечение престарелых и немощных.
9. Демократизация армии и флота. Всеобщее вооружение народа.
10. Полная свобода мысли и слова.

Интерпретация этих основных пунктов программы, данная Джонсом в серии статей⁵⁴, свидетельствует, однако, о том, что, имея общую социалистическую направленность, они тем не менее носили более умеренный характер, нежели переходные к социализму мероприятия, перечисленные в «Манифесте Коммунистической партии» и «Требованиях Коммунистической партии в Германии». Так, если в «Требованиях» говорилось о том, что на национализированных землях «государей и прочих феодальных имений» земледелие должно вестись «в интересах всего общества в крупном масштабе и при помощи самых современных научных способов»⁵⁵, то согласно чартистской программе первоначально и безвозмездно национализировались лишь земли, принадлежащие органам призрения бедных, общинные, коронные и церковные земли. Национализация же земель лендлордов должна осуществляться посредством скупки их государством на рынке «по справедливой цене». При этом государство не организует сельскохозяйственное производство на национализированных землях «в интересах всего общества в крупном масштабе», а сдает их в аренду отдельным лицам, уплачивающим государству ренту. При этом арендатору предоставляется полная свобода ведения хозяйства на своем участке.

Известная ограниченность решения вопроса о земле по сравнению с программными документами, написанными Марксом и Энгельсом, объяснялась тем, что чартисты стремились привлечь на свою сторону не только рабочих, но и широкие слои мелкой буржуазии, без поддержки которой возродить массовое движение за Хартию, по их мнению, не представлялось возможным. Над составителями программы, несомненно, довлели также и чартистские традиции борьбы за землю, воплощенные в утопическом земельном плане О'Коннора, также отвечавшем мелкобуржуазным устремлениям значительного числа участников чартистского движения.

Далее, если в «Манифесте Коммунистической партии» «деспотическое вмешательство в право собственности и в буржуазные производственные отношения» мыслилось также путем увеличения числа государственных фабрик, орудий производства, расчистки под пашню и улучшения земель по общему плану⁵⁶, то в чартистской программе ничего не было сказано даже о превращении всех средств транспорта в государственную собственность, о чем совершенно четко и ясно было заявлено в «Требованиях Коммунистической партии»

⁵⁴ Эти статьи были опубликованы: Notes to the People, 1851, vol. 1, p. 53—56, 73—79, 83—87, 120, 131—134; People's Paper, 1852, N 1, 8 Oct.; N 5, 5 June.

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 5, с. 1.

⁵⁶ Там же, т. 4, с. 446.

в Германии». В программе говорилось лишь об организации по всей стране кооперативных производственных ассоциаций, т. е. предусматривалась не государственная, а коллективная собственность на средства производства в промышленности.

При внимательном чтении программы нетрудно убедиться в том, что, хотя в ней и отражены некоторые идеи «Манифеста Коммунистической партии», тем не менее там просматривается и влияние, которое оказал на составителей программы английский утопический социализм, главным образом в лице представителей так называемой рикардianской школы из числа последователей Р. Оуэна.

Обосновывая необходимость мирного пути социалистической перестройки промышленного производства в Англии стремлением избежать якобы происходящего в результате революционного взрыва разрушения производительных сил страны, Джонс писал: «Чтобы совершить переход из одной социальной системы в другую, необходимо время, и если вы разрушите одну систему до того, как вы подготовите все необходимое для другой, что вы тогда будете делать в указанный промежуток времени? Мы хотим избежать этого в своей стране. Когда мы получим в свои руки политическую власть (а это случится в недалеком будущем), мы должны будем ее использовать как благоразумные люди, по-деловому. Вот почему мы приходим к выводу, что путь к счастью людей и справедливой социальной системе — это не мгновенное уничтожение одной системы и построение другой, совершенно новой. Следует постепенно устанавливать (когда политическая власть дана вам как средство) справедливую систему: не уничтожение, а подрыв, не разрушение, а вытеснение одной системы другой»⁵⁷.

Как же конкретно должен был, по мнению Джонса, идти этот процесс «вытеснения» одной системы другой?

«Общественная фабрика, — писал Джонс, — будет конкурировать с фабрикой монополиста и конкурировать успешно, так как национальный капитал будет постоянно оживляться благодаря системе коллективного труда, а защита правительства обеспечит ему безопасность от посягательств фабричного лорда. Фабрика, организованная на коллективных началах, будучи свободной от вычетов какой-либо доли заработной платы своих рабочих (кроме незначительной суммы, которую она уплачивает государству за использование самой фабрики и машин), окажется способной продать свою продукцию дешевле, чем капиталист. Поскольку труд одновременно с этим станет дороже, так как число безработных уменьшится, капиталист будет поставлен перед необходимостью покупать труд дороже и продавать продукты труда дешевле. Это быстро приведет его к разорению. Один за другим фабриканты будут разоряться. Но торговля и коммерческая деятельность не придут к упадку, промышленность не будет парализована, рынок от этого не станет менее снабжаться товарами. Английская предприимчивость от этого не пострадает, потому что она будет направлена на передачу промышленности из

рук немногих монополистов в руки многих организованных по принципу коллективизма людей. Так постепенно, но полностью произойдет реконструкция нашей социальной системы»⁵⁸.

Чартисты сознавали социальное зло, которое приносит трудящимся буржуазная кредитно-финансовая и денежная система. Однако, не понимая до конца истинной природы денег, они не знали, что конкретно надо делать для его искоренения.

Вместо того чтобы наметить важнейшую для перехода к социализму меру, а именно централизовать кредит «в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией»⁵⁹, в чартистской программе лишь очень неопределенно сказано о том, что «необходимо изменить законодательство о денежном обращении».

Комментируя в одной из своих статей раздел программы «Денежная система», Джонс писал: «Деньги не являются богатством, а просто выступают в роли его представителя. В золоте не заключено никакой прирожденной ценности (за исключением полезности золота как металла, используемого на нужды производства и техники)... Деньги приобрели, однако, высшую власть над трудом и всеми сторонами общественной жизни. Вопрос, следовательно, заключается в следующем: как свергнуть деньги с их престола, как превратить их из господина в слугу? Для этого нужно, чтобы число денежных знаков в обращении соответствовало бы количеству того, что они представляют, а сами денежные знаки делались бы из бумаги или другого легко поддающегося обработке материала; тогда золото перестало бы выполнять функцию мерила ценности денежных знаков»⁶⁰.

В поисках решения проблемы Э. Джонс, несомненно, обращался и к теоретическому наследию предшественников Маркса и Энгельса — наследию английских социалистов оуэновской школы.

В поле зрения Джонса находилась, в частности, теория «рабочих денег» Дж. Грея, который в своем проекте справедливой социальной системы главное внимание уделял, как известно, системе обмена⁶¹.

«Некоторые рекомендуют национальные склады, — писал Джонс в одной из своих статей о чартистской программе, — в которых должны быть сосредоточены продукты труда для взаимного обмена, а государство в целях обеспечения такого обмена должно издать трудовые знаки в размере стоимости находящихся на складах промышленных товаров и предметов питания. Если бы все люди без исключения сдавали свои продукты труда на государственные склады, это бы подошло, но так как на такое положение дел нельзя рассчитывать, то указанное предложение не может быть реализовано по крайней мере до установления коммунизма или очень близ-

⁵⁸ Ibid., 3 July.

⁵⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 446.

⁶⁰ Notes to the People, 1851, vol. 1, p. 85.

⁶¹ См.: Грей Дж. Сочинения. М., 1955, с. 93—97.

⁵⁷ People's Paper, 1852, 25 Dec.

кой к нему системы. Однако коммунизм еще значительно отдален от нас, ввиду чего, как это представляется мне, предлагаемый план практически не мог бы быть выполнен»⁶².

Э. Джонс, несомненно, был знаком и с произведениями другого английского социалиста — Джона Брея. Рассуждения Джонса о необходимости переходного периода от капитализма к социализму, о мирном вытеснении одной системы другой, о роли денег и изменении денежной системы при социализме во многом перекликаются с учением Дж. Брея. В отличие от Оуэна Брей не считал возможным непосредственный переход к коммунизму с установлением совершенной системы общности имущества, а был убежден в том, что общество в своем движении к такой системе должно пройти через промежуточный этап, пережить своего рода переходный период. Как писал Брей, «нужно открыть и применить переходный общественный этап — процесс, принадлежащий частично к современной, частично к будущей системе, — своего рода промежуточное состояние, в которое общество вступило бы со всеми своими эксцессами и безумствами, чтобы впоследствии выйти из него обогащенным качествами и свойствами, составляющими жизненное условие системы, основанной на общности имущества»⁶³.

Отголоски английского утопического социализма слышны также и в высказываниях Э. Джонса о системе распределения продуктов труда в будущем социалистическом обществе. Приступая в 1852 г. к публикации серии статей о социальных правах человека во вновь созданном печатном органе чартистов «Пиплз пейпер», Джонс в первом же номере ее писал: «Социальные права выражаются в том, что они дадут возможность каждому человеку работать, когда он хочет и как он хочет, не спрашивая на это разрешения у другого, и использовать полностью плоды своего труда, отдавая взамен этого ровно столько своего труда, сколько необходимо для того, чтобы он был эквивалентен труду другого, регулируемого таким же образом»⁶⁴.

В данном случае чувствуется влияние У. Томпсона, который еще в начале 20-х годов XIX в. писал о том, что все виды труда должны быть свободными и добровольными как с точки зрения направленности труда, так и его продолжительности; получение полного продукта труда должно быть обеспечено для самого производителя; обмен этими продуктами должен быть свободным и добровольным⁶⁵.

Но это было глубокое заблуждение, в которое впадал и Э. Джонс, беря на вооружение высказанные Томсоном принципы. Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали, что ни при каком мыслимом общественном строе, в том числе и при коммунизме, рабочий не может получать для потребления полную стоимость своего про-

дукта, так как из произведенного совокупного общественного продукта всегда должны делаться отчисления в фонд накопления и общественный резервный фонд; из него же должны покрываться расходы на целый ряд экономически непроизводительных, но необходимых функций, а следовательно, и на содержание лиц, выполняющих эти функции. Все это означало бы, что рабочие и все члены общества пользовались бы всем произведенным продуктом, но каждый в отдельности не пользовался бы своим полным трудовым доходом⁶⁶.

Известная теоретическая ограниченность чартистской программы проявилась также в вопросах погашения государственного долга, налогообложения и в вопросах, касающихся армии и флота.

Однако недостатки, присущие программе, не умаляют ее общего исторического значения, которое заключается в том, что с принятием ее чартизм как политическое течение приобрел социалистическое содержание. Несмотря на то что в решении некоторых социальных проблем Э. Джонс отдавал известную дань социалистическим учениям последователей Р. Оуэна, тем не менее идеи научного социализма, идеи «Манифеста Коммунистической партии», в чартистской программе все-таки преобладали.

Не случайно поэтому вскоре после опубликования программы, 26 мая 1851 г., член Союза коммунистов Р. Даниэльс писал Марксу: «Я уже обнаружил в программе чартистского Конвента от 10 апреля твои влияния»⁶⁷. Программа с большой полнотой вскрыла классово-революционный смысл многолетней борьбы английского пролетариата за всеобщее избирательное право, являвшейся в 40-х годах еще в значительной мере отвлеченной и недостаточно осознанной самими чартистами.

«Чартизм вступает в новую жизнь, он запово родился, — писал «Френд оф зе пипл» по поводу программы. — Чартизм 1851 г. совсем не тот, каким он был в 1839 или 1847 г. Отныне он представляет собой новое, значительно более высокоорганизованное сознание и призван взять на себя еще более великую миссию, чем в 1839 и 1848 гг. Отныне чартизм означает демократию и социализм»⁶⁸.

Таким образом, если до 1848 г. социалистическое сознание чартистов проявлялось стихийно, лишь в стремлении английских рабочих к установлению справедливого строя, то после революционных событий 1848 г. оно становится нацеленным на глубокие социальные преобразования в обществе через посредство завоевания пролетариатом политической власти. Это был огромный шаг вперед. В этом заключается большая заслуга передовых деятелей чартистской партии, сумевших понять, что движению необходимо придать не только демократический, но и социалистический характер.

⁶² Notes to the People, 1851, vol. 1, p. 86.

⁶³ Брей Дж. Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению, или Век силы и век справедливости. М., 1956, с. 165—166.

⁶⁴ People's Paper, 1852, 8 May.

⁶⁵ Thompson W. Inquiry into the Principles of the Distribution of Most Conducive to Human Happiness. L., 1824, p. XIV.

⁶⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 16—19; т. 21, с. 191—192.

⁶⁷ MEGA. B., 1984, Abt. 3, Bd. 4, S. 386. При этом Даниэльс писал Марксу, что он приложит все усилия для пропаганды в Германии принципов чартистской программы.

⁶⁸ Friend of the People, 1851, 19 Apr., p. 1.

Принадлежность Гарни и Джонса к Союзу коммунистов, их близость с Марксом и Энгельсом в значительной мере определили направление той пропаганды и агитации, которую они как вожди чартистов развернули среди английских трудящихся в конце 40-х — начале 50-х годов.

Правда, весной 1851 г. Гарни сблизился с мелкобуржуазной эмиграцией в Лондоне и группой Виллиха — Шаппера, и это послужило причиной разрыва отношений с ним со стороны Маркса и Энгельса. В начале 1852 г. Гарни отошел от активной политической деятельности.

Содружество же Маркса и Энгельса с Джонсом продолжалось. В первой половине 50-х годов Джонс выступал как передовой боец за внедрение некоторых марксистских положений в теорию и практику революционной борьбы английского рабочего класса. Наиболее яркое отражение это нашло на страницах издававшихся Джонсом чартистских органов: журналов «Нотс ту зе пипл» и «Пиплз пейпер».

В 1851—1852 гг. Маркс и Энгельс активно сотрудничали в «Нотс ту зе пипл», стремясь превратить этот журнал в орган пропаганды идей научного коммунизма. Позднее Маркс, касаясь этого вопроса, писал в одном из писем Энгельсу: «Случайно мне подвернулись под руку несколько номеров журнала „Notes to the People“ Э. Джонса (за 1851, 1852 гг.), который, если говорить об экономических статьях, составлялся в главных пунктах непосредственно под моим руководством и отчасти даже при моем непосредственном участии. Что же я там нахожу? Что мы тогда вели против кооперативного движения, — поскольку оно, в своей нынешней тупо-ограниченной форме, претендует на то, чтобы быть *последним словом*, — такую же полемичку, какую спустя десять — двенадцать лет Лассаль вел в Германии против Шульце-Делича, только делали это лучше»⁶⁹.

Основанная Джонсом в мае 1852 г. «Пиплз пейпер» унаследовала все лучшее от своего предшественника — журнала «Нотс ту зе пипл» и развернула на своих страницах широкую пропаганду социалистических идей. По всем основным принципиальным вопросам газета занимала твердую революционную позицию и проводила самостоятельную пролетарскую линию. По справедливому замечанию Г. Шлютера, «английский рабочий класс никогда еще не имел в своем распоряжении такого превосходного органа для защиты его интересов, каким была „Народная газета“ Джонса»⁷⁰.

Благодаря своей независимой, принципиальной линии и подлинно демократическим позициям «Пиплз пейпер» завоевала в те годы большой авторитет среди революционно настроенных рабочих. С самого начала своего существования газета выступала в роли

организатора и неутомимого борца за сплочение рядов чартизма вокруг новой программы социального и политического освобождения трудящихся.

Маркс на протяжении ряда лет бесплатно писал статьи для этого чартистского органа. Активная помощь, оказываемая Джонсу как редактору газеты со стороны Маркса и его соратников, идейное влияние основоположников научного коммунизма во многом способствовали превращению этого чартистского органа в боевую политическую трибуну английского пролетариата, последовательного защитника его классовых интересов. Не случайно Джонс спустя несколько лет писал Марксу: «Я считаю обязанностью каждого, кто знаком с Вами, — как ни излишни подобные свидетельства, — воздать должное Вашим достоинствам, честности и бескорыстию. На мне эта обязанность лежит вдвойне: я вспоминаю, как много статей в течение ряда лет Вы давали для моего небольшого журнала „Notes to the People“, а впоследствии для „People's Paper“ совершенно безвозмездно, — статей, которые были так важны для дела народа и так ценны для газеты»⁷¹.

В июне 1858 г. газета Джонса попала в руки буржуазных дельцов. Однако этот факт ни в коей мере не может умалить ту большую революционную роль, которую она сыграла в предшествующие годы.

* * *

50-е годы XIX в. охватывают, таким образом, период, когда практическое массовое движение английских рабочих за Хартию сходило со сцены. Вместе с тем это был период, когда левыми лидерами чартизма при непосредственной поддержке и помощи со стороны Маркса и Энгельса предпринимаются героические попытки возродить движение на новой основе — на основе признания необходимости социалистической революции. К сожалению, все попытки, предпринятые в этом направлении, не увенчались успехом.

В 30—40-е годы XIX в. английский рабочий класс развернул энергичную борьбу за свое политическое освобождение под знаком «Народной хартии». Однако в тот период он не имел еще научно обоснованной теории классовой борьбы. В этом была его слабость. Без научного социализма, без соединения его с революционным рабочим движением не могла возникнуть и подлинно революционная рабочая партия. Когда же в начале 50-х годов передовые чартистские лидеры приблизились к пониманию многих важных вопросов теории научного социализма, они фактически оказались в положении офицеров без армии, так как широкое массовое движение за Хартию в целом уже прекратилось, чартизм, несмотря на все попытки возродить его в национальном масштабе, в силу ряда глубоких социально-экономических причин клонился к упадку.

⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 7.

⁷⁰ Шлютер Г. Чартистское движение: Очерк социально-политической истории Англии. М., 1922, с. 345.

⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 14, с. 686.